УДК 82.09-3
DOI: 10.26456/vtfilol/2026.3.042

КОНЦЕПЦИЯ «МИР-ТЕКСТ» В РОМАНАХ В. ЗАХАРЦОВА

А. Г. Сильчева

Московский университет им. А. С. Грибоедова, г. Москва

В статье анализируется концепция «мир-текст» в диптихе Виталия Захарцова – в романах «Молодильник ЗИЛ для хранения продуктов в безвремении» и «Табуретка судьбы». Через призму языковой игры, интертекстуальности и постмодернистских приёмов автор исследует вопросы бытия, человеческого сознания и миромоделирующей роли языка. Главный герой Иван Царевич существует одновременно и в сказочной, и в современной реальностях, между которыми он перемещается. В момент переходов трансформируется и его речь, обозначая изменение экзистенциального статуса протагониста. Писатель создает многослойную «лингвистическую» вселенную, где слово способно менять мир. Избыточная языковая игра В. Захарцова воплощает идею «мир-текст», где разные лингвистические пласты выступают как ключевой миромоделирующий принцип.

Ключевые слова: *мир-текст, Виталий Захарцов, языковая игра, двойничество, постмодернизм, современная русская проза.*

Романы Виталия Захарцова «Молодильник ЗИЛ для хранения продуктов в безвремении» (лонг-лист «Большой книги») и «Табуретка судьбы» (победитель премии Н.В. Гоголя) составляют своеобразный диптих: они связаны единством героев и единством сказочной «ойкумены», то есть пространственно-временных характеристик. Также общим оказывается стилевая манера произведений: перед нами два сказа, где отчетливо проявлен образ антуражного нарратора, которым выступает сам главный герой Иван Царевич (причем, Царевич – это фамилия). Но этот «царь Иван Царевич» – это одновременно и персонаж, и рассказчик, который ведет повествование уже как бы из иного бытия, из параллельного мира, который есть не что иное, как наша современная действительность.

Двойничество – очень важный мотив в обоих произведениях, где герой парадоксально оказывается как бы не равным самому себе. Причем это двойничество не только речевое и темпоральное, но и бытийное: при переходе через онтологические границы протагонист расслаивается на двух субъектов. То есть в романах буквально возникают два Царевича, один – из прошлого, другой – из будущего. Известный научно-фантастический ход здесь по-особому актуализирован: «временной зазор» между двумя ипостасями героя – микроскопический, одно мгновение, вот как

© Сильчева А. Г., 2026

это объясняется в романе: «Если человека отправить на секунду в прошлое, то там он встретится с самим собой, только на секунду отстающим». Такое странное «расслоение» протагониста дополняется двойничеством «междумирным»: Царевич существует и в сказочной стране, и в привычной нам реальности.

В конце первой книги выясняется, что настоящее имя героя – Иван Королёв (потому-то он в альтернативной реальности и царь!), протагонист работает «служащим» в администрации Смоленской области, а его жена – филолог, которая пишет диссертацию на тему «*Трансформация фольклорных мотивов...*», таким образом, в сознании героя сходятся две реальности: «сказочно-фольклорная» и «управленческая». До конца мы так и не узнаем: было ли путешествие в инобытие Ивана Королёва-Царевича лишь грезой, либо он, действительно став участником научного эксперимента, переместился в иную вселенную. Важно, что главный герой конструирует свой мир из понятий, которые оказались у него «под рукой», то есть в том бытовом и культурном контексте, в котором он существует.

При этом протагонист демонстрирует достаточно высокий уровень интеллекта, что позволяет ему преобразовать «текст жизни» в таинственном инобытии в замысловатый «текст творчества», где сходятся множественные дискурсивные начала: «Неоавангардистский роман Виталия Захарцова “Молодильник ЗИЛ для хранения продуктов в безвремении” (2022) непрост для читательского восприятия также в силу художественного сопряжения интертекстуальных / интермедиальных / трансмедийных начал, связанных с жанрово-родовой диффузией, ритуально-игровой, перформансной, партиципаторной модальностью, выводящей текстуальную, языковую и рецепционную атрибуцию на метауровень» [5, с. 106].

К этому следует добавить, что язык обоих романов перенасыщен окказионализмами, основанными на народной этимологии, палиндромами и каламбурами. В каждой «скорлупе» (так в книге именуются альтернативные зоны сказочного инобытия) и каждой сказочной «стране» герои сталкиваются с особым наречием, отсылающим к разным стилистическим пластам русского языка.

Такие языковые эксперименты не выглядят нарочитыми – они органично вплетены в ткань повествования и создают эффект перемещения между разными «этносами», «культурами», «государствами». То есть перед нами фактически реализованный императив теоретиков постмодернизма, пытавшихся обосновать концепцию «мир-текст»: «Словообразование в этом царстве-государстве вообще особенное – этакая ядерная смесь озорной языковой игры, “народной лингвистики” а-ля Фоменко и <…> Кэролла: границы корней, префиксов и суффиксов прыгают с места на место, создавая совсем уж немыслимые смыслообразования» [4].

Критик И. Родионов отмечает ассоциативную густоту мира Захарцова: персонажи и образы здесь обобщены до архетипов. Доктор – это сразу все доктора от Преображенского до Айболита, кот – от Матроскина до пушкинского Учёного кота [7]. На эту же особенность текста обращает внимание и Р. Хиденцева: «Простейший пример такой игры с традициями являет сыщик “из органов” по имени “Штирлок с холма”, в повадке и облике которого угадываются черты Штирлица и Холмса. И там много таких “скрещенных героев”, пришедших на страницы “Табуретки” из классики и фольклора» [8].

Исследователи отмечают, что в описаниях властителей-временщиков, «оккупировавших» Кудыкинщину во время отсутствия царя, слышны отголоски щедринской сатиры, а сама структура романа сочетает черты антисказки (термин В.С. Высоцкого), постмодернистского пастиша и философского трактата. При этом автор своеобразно актуализирует постмодернистские приемы, не девальвируя ценности, но даже наоборот: пытаясь найти в мире высокую аксиологичность. Л.Г. Кихней по этому поводу подчеркивает: «Но все эти раблезианские и постмодернистские “игрища” нужны автору для того, чтобы более хлестким стал переход, если так можно выразиться, к “истинному повествованию”. По сути дела, к новому внутреннему качеству главного героя» [4].

Сюжет в обоих романах – травелогический, он строится вокруг путешествия двух героев: царедворца Кирдяги («Табуретка судьбы») и Ивана Царевича (оба рассматриваемых произведения) по сказочной ойкумене. Путешествия выполняют инициационную функцию: для Кирдяги эти путевые подвиги суть преобразование в царя Кирдиана Первого, для Царевича же – переход в новый статус, в статус «Неспящего», то есть особого «сверхчеловека», который только теперь, после инициации, может вернуться в свою реальность, то есть в наш мир. Возможно, перед нами метафора выздоровления, победы над онкологическим заболеванием, о котором мы узнаем в первой части дилогии. Кстати, в этой связи примечательно, что в «Табуретке судьбы» перед нами трижды (символическое для сказки число!) меняется главный герой: сначала читатель думает, что сюжет будет построен вокруг Сергея Рындина – «попаданца» из нашей реальности, затем, когда последнего отправляют «восвояси», протагонистом становится Кирдяга, и лишь потом статус главного героя возвращается к Царевичу. Эта смена протагонистов подчёркивает многослойность повествования, где каждый персонаж раскрывает новую грань кудыкинской смысловой вселенной [2].

Комические эпизоды, построенные на абсурде и языковой игре, чередуются в обоих романах с философскими размышлениями. Например, в «Табуретке судьбы» сцена с «палиндромным воздухом», где герои могут говорить только словами-перевёртышами, одновременно смешна

и глубоко символична: автор не раз обыгрывает мифологему «истинной речи», неких сакральных слов, которые не только передают смыслы, но и позволяют трансформировать реальность. Мудрец ФилоСов, сын Филина и Совы, дополняет эту картину своими афоризмами: «Бессмертие выглядит как бесконечно тонкая нога Ахилла» – фраза, где замысловатая шутка соседствует с мифологическими и метафизическими отсылками. Так темное слово «является средством повышения до предела способностей текста вмещать смыслы», и для автора, «апеллирующего к трансцендентальному, мистическому, мифологическому – это наиболее удобная форма “высказывания невысказываемого”» [1, с. 28]. Эту аксиологическую двойственность, то есть наличие сакрального подтекста в профанном лингвистическом мире, фиксирует Л.В. Дубаков: «Сказочный нарратив “Табуретки судьбы”, требующий тысячи и одной ночи для неспешного, поглавного чтения, считывания окказионализмов, палиндромов, разного рода перечней, переходящих во что-то похожее на считалки, дразнилки, страшилки, перебивается пронзительными пассажами о времени, о любви, о детях, о творчестве» [3, с. 148].

Как видим, ученый отмечает такую особенность прозы Захарцова, как плотность: перед нами плотность смысловая, сюжетная, стилистическая, интертекстуальная, всё это заставляет вчитываться, расшифровывать аллюзии, удивляться словесной эквилибристике. Однако у этого сложного лингвистического мира есть сверхзадача, которую формулирует С.Ф. Меркушов: «“Молодильник ЗИЛ…” представляет собой художественный эксперимент, а экспериментально, как известно, проверяется валидность той или иной гипотезы / теории. В данном случае перед нами гипотеза / теория о существовании “глубинного первоязыка”, “адамова наречия”, в котором заключён “первичный код вселенной”. Расшифровка этого кода опосредована поиском т. н. вербального первоначала» [6, с. 228].

Таким образом, Захарцов виртуозно соединяет жанры: фэнтези, научную фантастику с элементами альтернативной истории, социальную сатиру в духе Салтыкова-Щедрина и постмодернистские приёмы. При этом автор избегает деструктивности постмодернизма, направляя словесную игру к поиску высокой аксиологичности. Даже комические эпизоды, абсурдные ситуации парадоксально не снижают «драматический пафос» этих произведений, а, наоборот, высвечивают «подлинное повествование», несут серьезную философскую нагрузку. И в этой «глубинной серьезности» кроется реалистическое начало: то, что казалось происходящим понарошку, вдруг предстает в высоком аксиологическом облике, перед нами действительно разговор о главных экзистенциальных темах, а не все профанирующее раблезианство. То есть концепция «мир-текст», которая должна была бы профанировать мироустройство,

свести его к «игре дискурсов», у Захарцова оказывается важнейшим миромоделирующим принципом, возможно, отсылающим к библейскому Логосу.

Список литературы

1. Гавриков, В. А. В поэтической вселенной Александра Башлачева. Москва; Калуга, 2019. 260 с.
2. Гавриков, В. А. Третья песенность // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 17. Екатеринбург; Тверь: Уральский государственный педагогический университет, 2017. С. 26–36.
3. Дубаков, Л. В гостях у сказки // Перископ: литературный журнал. 2026. № 1 (16). С. 147–148.
4. Кихней, Л.Г. Постмодернизм, оплодотворенный сакральностью [Текст: электронный] // Ревизор. 18.03.2026. URL: https://rewizor.ru/literature/spetsproekty/knijnaya-lavka-revizora-ru/stati/postmodernizm-oplodotvorennyy-sakralnostu/ (дата обращения: 13.05.2026).
5. Меркушов, С. Ф. Интермедиальные авторские стратегии письма: медийные явления в отечественной литературе рубежа XX–XXI вв.: учебно-методическое пособие. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2024. 116 с.
6. Меркушов, С. Ф. Метамодернистский «иероглифический» роман «с ключом» («Молодильник ЗИЛ для хранения продуктов в безвремении» Виталия Захарцова) // Art Logos. 2024. № 2 (27). С. 226–235.
7. Родионов, И. Телемская обитель Кудыкинщины. О романе Виталия Захарцова «Табуретка судьбы» [Текст: электронный] // Pechorin.net. URL: https://pechorin.net/articles/view/tieliemskaia-obitiel-kudykinshchiny-o-romanie-vitalia-zakhartsova-taburietka-sud-by (дата обращения: 15.05.2026).
8. Хиденцева, Р. Сказка для самых умных // Литературная газета. 11 марта 2026 г. № 10 (7024). С. 22.

THE CONCEPT OF "WORLD-TEXT" IN THE NOVELS OF V. ZAKHARTSOV

A. G. Silcheva

A.S. Griboedov Moscow University, Moscow

This article analyzes the concept of «world-text» in Vitaly Zakhartsev's diptych novels "The ZIL Rejuvenator for Storing Food in Timelessness" and "The Stool of Fate". Through the prism of language play, intertextuality, and postmodernist techniques, the author explores questions of existence, human consciousness, and the world-modeling role of language. The protagonist, Ivan Tsarevich, exists simultaneously in both fairy-tale and modern realities, moving between them. During these transitions, his speech also transforms, signifying a change in the protagonist's existential status. The writer creates a multilayered "lin-

guistic" universe, where words have the power to change the world. Zakhartsev's redundant language play embodies the idea of "world-text", where different linguistic layers act as a key world-modeling principle.
Keywords: *world-text, Vitaly Zakhartsev, language play, duality, postmodernism, contemporary Russian prose.*

Об авторе:

СИЛЬЧЕВА Алина Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики и литературы Московского университета им. А.С. Грибоедова (111396, Москва, Зелёный проспект, д. 66А); e-mail: alinka-krasulka@mail.ru.

About the author:

SILCHEVA Alina Georgievna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of History of Journalism and Literature at Griboyedov Moscow State University (111396, Moscow, Zeleny Prospekt, 66A); e-mail: alinka-krasulka@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г.
Дата подписания в печать: 14.09.2026 г.